

ПОВЕРХ ПРИСТРАСТИЯ

Не скрою, Сергей А. Калашников вот уже три года как студент моего семинара поэзии, и, возможно, я пристрастно отношусь к его дарованию. Но и, поверх пристрастия, его одаренность для меня очевидна, как несомненно и то, что он к тому же обладает счастливым свойством – «волей к тексту», столь необходимой для творческого становления и осуществления: он не только много пишет, не только выплескивает некий избыток образов, наблюдений, эмоций, за счет которых его стихи бывают очень длинными, но и работает над тем, чтобы конструкция их была компактнее и прочнее, море разливанное слов обрело твердое русло, а сами слова становились по своим местам, в согласии с телеологией стихотворения – образным рядом, смыслом и интонационным рисунком. Какие чудесные образы появляются у него! Но дело даже не в отдельных образах, а в том колорите, в той кантилене, которую они создают. Здесь множество зримых, выписанных деталей, из которых выстраивается картина мира, которая, однако, не «заземляется», не сводится исключительно к ним: почти в каждом стихотворении действует некий рычаг «претворения», выводящий его образ за рамки наличной реальности. Задувают метафизические сквознячки. Грубо говоря, для того чтобы из мальчика / девочки с литературными способностями получился поэт, необходимы три вещи: само это дарование, творческая воля и судьба. Они непрестанно взаимодействуют: от ослабления воли талант чахнет, от оскудения таланта хромает судьба, ложный выбор судьбы запинаят волю. Но воля, как добрый садовник, может приумножить талант, талант – обогатить судьбу, выстроив для нее собственный мир, а судьба – подарить творческой воле множество новых возможностей. Вот этого я и желаю Сергею А. Калашникову.

Олеся Николаева

ВПРОЧЕМ, МИР

* * *

И если на болотах торф горел,
вливался дым со стороны болота.
Он комаров будил и бардов грел.
На шум берез, шумящих отчего-то,

Туман плывет, окутывая их,
и скоро в нем сорвет струну колодца.
Под вальс-бостон в торфяниках твоих
пожарная сирена захлебнется.

И вытянет на карте мировой
как ниточку одну шестую света.
За первым, что отправился домой,
пойдет второй, и все исчезнет следом.

* * *

Впрочем, мир разрушается, начиная с дома.
Краска темнеет, травой зарастает местность.
На ржавой трубе неподвижным облаком дыма застыв, ворона
оглядывает окрестность.

Вокруг запустение, ставни покрыты пылью,
впрочем, это не признак, скорее, деталь пейзажа.
Последний живой подсолнух, взятый в котел полынью,
ждется абордажа.

В каждом отрезке дома или предмете быта
виден удачный блицкриг природы, близость апофеоза.
Лежащая возле порога подкова, переплетенная аконитом,
как вынужденная угроза.

Дорога теряется под шагами идущего к точке старта.
Стирается дом, водит яркой иглой меж столбов ветвистых
встающее солнце, сшивая пейзаж, и облака как вата
в руках у таксидермиста.

РАСФОКУС

I

Вдоль заново отстроенных домов,
в забытых прошлым надписях в застенках,
над мастерской – здесь был «Ремонт часов» –
в ее часах и в их секундных стрелках
пространство затихает по ночам,
как продавщица в местном продуктовом,
что заучила всех односельчан –
возможность, предоставленная словом,
использована, к пришлому лицу
нет интереса, что всех помнить толку?
В попытках влиться – новому жильцу
чем привыкать, сподручней вырвать глотку
и повторять свой круг по часовой,
движения по улицам притихшим,
и завершить в молчании, как бой
часовщика со временем застывшим.

II

Здесь схожесть судеб ясно сознают
лишь те, кто покидают этот город.
Их взгляд назад на быстрый бег минут
с началом каждой новой множит холод –
чем тоньше связь, тем беспристрастней суд
над прошлым; время, сдавливая горло,
меняется, накладывает жгут
на место прежде грубого прокола,
который за сомнения в своей
разнообразной цели подарил.
Здесь можно, как на жизнь других людей,
на собственную – в то, что раньше было,
смотреть – сквозь крик явления на свет
к детали – запах кожаной обивки.
В ней черная тоска из прошлых лет
сменилась грустью, затемнив на снимке
коляску, голубой автомобиль,
большие санки, спящие в квартире,
и книгу сказок – ту, что полюбил,
за то, что ничего не знал о мире:
сквозь шум открытых окон по ночам,
пока за ними таял день вчерашний,
я строил мир со сказочных начал
как лестницу для выдуманной башни.

Мне все пустое в городе людей –
здесь жизнь была, и площадь городская
стучала и звенела в первый день.
Где раньше открывалась мастерская
пустой киоск, что близко к «ничего» –
у времени, которым был основан
есть город, а молчание его –
возможность, отнимаемая словом.

ТАНЦЫ

Если музыка повторяется раз за разом, и музыканты
те же, улыбаются, приглашают, гармонируют, вьются, злятся –
как объяснить тебе, что согласие, данное однократно,
упрощает каждое последующее? Танцы, танцы.

Повторение есть желание, центр, суть развращение эго –
не процессы, но чувства – частные, давние, важные обоюдно.
Жаль, что прошлому без повторов хватило замков и снега.
Ты уходишь, и здесь впервые мое одиночество абсолютно.

Ветер в твоей руке, шелест кассетной пленки, переписывающей фестивальныи
номер, сила импульса постоянно-условна.
Да, единственный танец, увидимся. Смеются. Полет нормальный.
Лети, лети, лепесток. Возвращайся, так я смогу попрощаться снова.

В новый круг прощаюсь, заново сохраняя
то же самое – с каждым повтором все меньше толка.
Будто воспроизводят съемку – кассета трется, перематывается, заедая.
Господи, как тяжело уходить надолго.

Навсегда остаюсь неважным, никого здесь не будет, только
здравствуй, вечное солнце, нам пора навсегда попрощаться.
Отвернись и замри, движение завершив, чтоб лицо не сжевала пленка.
Обрывается лента-жизнь.
Танцы, танцы.